

“Драматургия должна держаться в стороне от злобы дня. Поле боя, на котором сражается драматург, — это сердце человека”, — убежден один из старейшин современной драматургии, отметивший два года назад 80-летие, Виктор РОЗОВ.

Свою самую знаменитую пьесу “Вечно живые” он написал, по его словам, “от нечего делать” — в 1943 году в Костроме, где приходил в себя после ранения. Ее судьбу тогда решил старик из Главреперткома: “Читал, плакал, но — запрещаем”. А в 1957 году именно ею открылся московский “Современник”. Вскоре эта пьеса благодаря поставленному по ней режиссером Михаилом Калатозовым фильму “Летят журавли” получила международное признание.

Виктор РОЗОВ:

Иногда интеллигенция играет очень подозрительную роль

Взгл. кинем. - 1996 - 22 февр - 97

— Виктор Сергеевич, с кем вы сегодня?

— Ни к какому-либо лагерю или политической группировке я не принадлежу. Я сам по себе, сам пытаюсь осмыслить происходящее, очень страдаю душой — ведь страна находится в унижении. Ко всем партиям отношусь настороженно. Часто они напоминают свору, все одним миром мазаны. Россия в ужасном положении — но вместо того, чтобы одуматься, превратиться в нормальных людей, каждый из них тянет одеяло в свою сторону. Всех бы их, извините за выражение, гнать поганой метлой. Толку от них никакого!

Для меня теперь “демократы” — ругательное слово, и если сегодня демократы кого-то называют фашистами, то, думаю, те могут смело именовать фашистами демократов. В подтверждение ограничусь только двумя примерами. Первый — расстрел Белого дома, который останется кровавой страницей в нашей истории (то, что в людей палили из пушек, пережить невозможно не только тем, кто был свидетелем этой драмы). Второй — чеченская бойня, глупая, бессмысленная, варварская, жестокая.

Не раз приходится слышать от иностранцев, что отношение к русским стремительно изменилось в худшую сторону. Вот сравнительно недавно в Москву приезжала моя очень хорошая знакомая из Англии. Беседа со мной, она сказала, что ее подруга — очень богатая дама, которая благотворительствует по всему свету, пожелала от-

крыть дом для престарелых и в России. Единственное, чего она у нас просит, — помещения; пусть это будет даже развалившееся здание — английские рабочие его отремонтируют. Кроме того, за ее счет — медицинское оборудование, медикаменты, койки, оплата медперсонала. Я, возможно, несколько нахриписто поинтересовался: “А можно ли два?” Мне хотелось, чтобы такие приюты появились в Костроме — городе, где я духовно родился, и в Москве. Возражений не было. Я представил эту даму губернатору Костромы, а также Фонду Горбачева — старался выбрать чистое место, где бы не воровали ни лекарства, ни наволочки, ни подушки; я знаю нашу действительность. Словом, дело пошло! На днях звоню той приятельнице — поздравить с днем рождения. И что же услышал: “Виктор Сергеевич, ну как же вам не везет! Сейчас все за рубежом так возмущены военными действиями России в Чечне, что помогают русским отказываются!” В общем, этот проект полетел. Правда, думаю, на время. Я был бы необычайно рад поддержать это доброе начало в качестве посредника.

Вообще все, что происходит с 1991 года, с Беловежской пущи, есть, на мой взгляд, неслыханное преступление. Раздробить собственными руками великую страну, которую по крохам начали собирать даже раньше, чем Иван Калита, превратить ее в ряд мелких государств, сыграть на национальных чувствах — кажется, история не знала подобных деяний. Все-таки Алек-

сандр Македонский не сам развалил свою империю, верно?

— Вы и август 1991 года сюда же включаете? На ваш взгляд, это событие того же порядка?

— Я не понимаю, что на самом деле происходило в те дни. Это какой-то политический фортель, разобраться в котором не могу. Очевидно, коли никого в конечном счете в тюрьме не оставили, было что-то не совсем преступное.

Когда Горбачев объявил в стране перестройку, лично я страшно обрадовался — показалось, что наконец теперь мы избавимся от психушек за инкомислие, будем говорить то, что думаем, не боясь того, что за горло схватит какой-нибудь шпик. Горбачев остановил войну в Афганистане, одним мизинцем снес берлинскую стену, наладил отношения с Америкой — холодная война отошла в прошлое. Единственное, чего я не мог принять, провозглашенного им лозунга делать перестройку революционным путем. Я не люблю революций...

— А Сахаров? Разве вы не помните, как Горбачев довольно бесцеремонно закрывал ему рот на съезде?

— Иногда интеллигенция играет очень подозрительную роль в обществе. Недавно уже в который раз я посмотрел прекрасный фильм “Собачье сердце”. Кто “изобрел” Шарикова? Профессор Преображенский и доктор Борменталь. Шариковых делает интеллигенция! Вам такая комическая мысль не приходила в голову? Сахаров —

Клубные встречи

человек, очень болевший за страну. Конечно, необычайно умный, надо отдать ему должное, как крупному ученому. Но если хотите услышать мое частное мнение, я не знаю, он помогал или мешал тем, что без конца выходил на трибуну. Как политика я оценить его не могу. Такое же неоднозначное отношение у меня и к Солженицыну. В частности, к его предложению разделить Белоруссию, Украину, Россию и часть Казахстана. У меня тоже есть ножницы — но, если я вдруг вздумаю кроить карту, мне следует дать по рукам! Прежде всего необходим профессиональный подход к любому делу. Если я сейчас высказываю свои соображения о текущей жизни, то это есть моя личная точка зрения без претензии дать какие-либо рекомендации специалистам в области экономики, финансов или сельского хозяйства, в которое, кстати, кто только сейчас не лезет... Если я начну указывать, что им делать, я развалю страну не хуже Ельцина. Понимаю, его дергают за ниточки со всех сторон. Борис Николаевич, прямо скажем, не гигант мысли... Ну что, довольна сегодня вся та интеллигенция, что некогда кричала: “Бейте их канделябрами!” Ну и стали бить. Сначала из пушек на набережной, потом в Чечне из всех видов оружия...

— “Мы пускаем под нож целое поколение”, — сказал в одном из своих интервью известный писатель

воя распухшую щеку рукой, уходит восвояси. Нам этот “зуб” тянут уже больше двух лет — хороша шоковая терапия! Как я понимаю, шоковая терапия — боль на одно мгновение. Ее безусловно можно вытерпеть. Но когда тебя пилат и пилат ржавой пилой...

Разумеется, я за то, чтобы люди жили обеспеченно. Но на глазах произошла смена ориентира человеческих ценностей. Во главу угла поставлен золотой телец. “Сатана там правит бал. Люди гибнут за металл”. Сейчас, погибая за металл, люди тянут за собой в пропасть и всю страну. Мне кажется, что нажива всем затмила глаза. Конечно, мое замечание не относится к тем, кто нуждается крутиться, каким-то способом подрабатывать — ведь жить на ту зарплату, что официально признана средней по стране, невозможно. Когда-то в прокате шла индийская картина “Бродяга”. Там есть такой эпизод. На соломе с голоду умирает немощный старик, и сын, пытаясь спасти отца, крадет хлеб. “Где взял?” — спрашивает отец. “Украл”. Старик берет палку и изо всех сил начинает бить сына... Я подобной нетерпимости не разделяю. Во время войны со мной произошел такой случай. После госпиталя на теплоходе по Волге я возвращался домой. На столе в каюте лежала пайка солдатского хлеба. Вдруг в окошко протягивается женская рука и хватает буханку. Успеваю только высунуться

Сац, которая пригласила меня помочь ей открыть детский театр в Казахстане, где она жила после ссылки. Это целая поэма! Кроме радости, ничего не осталось! Словом, вы даже не можете себе представить, как мне везло на хороших людей, где бы я ни работал!

— Виктор Сергеевич, кто ваши друзья?

— Из старых почти никого не осталось. Ушли Александр Петрович Штейн, Алексей Николаевич Арбузов... Сегодня круг довольно узок. Давние друзья — мы познакомились друг с другом в войну, тогда, когда я поступил во фронтовой театр, — Елена и Виталий Блок. А также вдова очень крупного в свое время художника Василия Петровича Комарденкова Татьяна Еремеева.

— Последний вопрос: в ваших творческих планах значилась пьеса “Четвертый брат” (по “Братьям Карамазовым” Достоевского, не так ли?)

— Я ее так и не написал — не получается. Может быть, потому, что мне никогда не удавались абсолютно отрицательные персонажи. Ведь Смердяков — квинтэссенция человеческой гнусности. Я замыслил эту пьесу как в какой-то степени полемику с Достоевским. Смердяков — четвертый брат Дмитрия, Ивана и Алеши. Но он — слуга, “валамова ослица”, отношение к нему, как к плебею. А может быть, злобный он именно потому, что всегда находился в положении униженного? А ведь Смердяков — гордый, скверно гордый человек.

Увы, смердяковщина стала в наши дни явлением нарицательным. Особенно пышно она расцвела по линии нелюбви к своей родине. Помните Смердякова — дескать, французам во время войны 1812 года лучше было бы нас завоевать? И, конечно, всепоглощающая страсть к деньгам — все-таки Смердяков украл деньги, убив отца. Что и сейчас повторяется то тут, то там.

В общем, пьесы у меня сейчас не пишутся. Работаю над воспоминаниями о друзьях. Будут силы — напишу и о том хорошем, что было в нашей жизни. Ведь сейчас многие, как стервятники, набросились на прошлое, выискивая в нем только самое негативное, спеша “излить всю желчь и всю досаду”. Думаю, в этом тоже есть какая-то мерзость. Да, вранья в подобных публикациях нет. Но я, допустим, помню, как тот, кто сегодня пишет о том или ином человеке с издевкой, когда-то искательно заглядывал в его глаза, лебезил. Значит, это не что иное, как месье? К чему этот запоздалый лай? Жизнь была сложная, Сталина все боялись — это надо признать. Но в каждое время необходимо найти силы выстоять, ни перед кем не холуйничать.

Как-то после смерти Сталина мне позвонили из издательства с просьбой издать из текста те куски, где встречается его имя. Отвечаю: “У меня их нигде нет!” — “Не может быть! Посмотрите повнимательнее!” — “Да нет же! Хотя, было дело, однажды настаивали, чтобы в одной из пьес я упомянул Иосифа Виссарионовича, а от этого требования уклонился”. При любой власти можно вести себя более или менее пристойно. Я так думаю: интеллигентный человек не должен совершать дурных поступков. Я жил в государстве, в котором было не только много плохого, но отвратительного, ужасного, но там же существовал и иной мир, в котором я жил. Я и сейчас живу в другом мире...

Встречалась Елена КОНСТАНТИНОВА.